

2. Эскизы анархического общества

Хотя испанские анархисты неоднократно высказывались в поддержку различных аспектов учений Бакунина и Кропоткина, они не представляли официально детальную картину того общества, которое они хотели создать на месте капитализма, до мая 1936 г., когда до начала Гражданской войны оставалось два месяца. Национальная конфедерация труда ещё в 1919 г. отразила в своих документах приверженность идее либертарного коммунизма, но лишь на Сарагосском конгрессе НКТ в мае 1936 г. была принята обширная резолюция, где излагались соображения относительно реорганизации испанской экономики, политики и общества.

В испанском либертарном движении были и те, кто решительно выступал против любых попыток определить очертания будущего общества. К примеру, Федерика Монсень писала в августе 1931 г.: «Анархизм – это идеал без границ. Его нельзя заключить в рамки программы»¹.

Большинство эскизов будущего либертарного общества, принадлежавших ведущим испанским анархистам, имели одно свойство: они становились общими и расплывчатыми, когда речь заходила о конкретных послереволюционных институтах и их функционировании. Шавьер Паньягуа отмечает, что многие, если не большинство из них, видели анархическое общество как по преимуществу сельское и общинное в своей основе. У некоторых из них мысли приняли определённо антииндустриальное направление², а у некоторых – откровенно антигородское³. По крайней мере несколько анархистов с ностальгией писали о «возвращении в Средневековье» сельских коммун⁴.

Тем не менее в десятилетия, предшествовавшие Гражданской войне, многие анархические лидеры и интеллектуалы представили более или менее детальные описания своих концепций того типа анархического общества, который они хотели создать. Поэтому, прежде чем дать подробное изложение основных пунктов Сарагосской резолюции, стоит обсудить некоторые из этих проектов.

«Новая Утопия» Рикардо Мельи

Рикардо Мелья был одним из выдающихся испанских анархических лидеров конца XIX и начала XX века. Другие авторы-анархисты, включая Хуана Диаса дель Морала, Диего Абада де Сантьяна и Макса Неттлау, отзывались о нём как о «самом одарённом из анархических мыслителей»⁵. Он писал о многих аспектах анархической теории и политики и обобщил своё видение будущего либертарного общества Испании в романе «Новая Утопия» («La Nueva

Utopia»). Как подразумевает название работы, она имеет большое сходство с представлениями об идеальном обществе утопических социалистов XIX в. Джордж Эзенвейн отмечает:

“ «Социальная система “Новой Утопии” покоится на двух основных принципах: свобода и равенство. Природные ресурсы – такие как леса, нефть, газ, железная руда, а также обильные плоды земли – отныне принадлежат всем... Граждане связаны между собой через систему договоров, налагающих взаимные обязательства... Эти живые связи, представляющие собой единственное средство, с помощью которого строятся экономические и социальные отношения между индивидами, весьма гибки в том смысле, что они могут быть расторгнуты или упразднены в любое время... Другой объединяющей силой в социуме является общее чувство солидарности. Не страдающие более от политических, религиозных и иного рода социальных трений, которые в прошлом делили общество на противостоящие группировки, люди «Новой Утопии» заботятся лишь о всеобщем благополучии...»6

Общество, которое появляется в повествовании Мельи, практически во всех отношениях соответствует принципам всех школ анархизма. В нём, к примеру, нет преобладания какой-либо определённой экономической системы – хотя Мелья даёт понять, что коллективизм, вне всякого сомнения, является высшей формой экономической организации. Люди свободно могут выбирать форму обмена, к которой они предрасположены: “Если рабочий желает оставить за собой право обменивать продукты своего труда, никто не станет препятствовать ему; если он желает пожертвовать свои продукты обществу в целом, никто не будет его останавливать; если он желает передать их кооперативу, он волен поступить так”»7.

Версия либертарного общества Оробона Фернандеса

Валериано Оробон Фернандес был одной из ведущих фигур НКТ в предвоенный период и умер вскоре после начала Гражданской войны. В 1925 г. он изложил, хотя и сжато, своё видение послереволюционного либертарного общества:

“ «Самым элементарным проявлением этого режима стал бы “единый производственный кооператив” в редконаселённых местностях. Этот организм включал бы в себя всех людей коммуны, способных работать. Сегодняшний синдикат – потенциальный завтрашний производственный кооператив. Следовательно, там, где существует первый, последний окажется жизнеспособным... В местности с более плотным населением

наиболее подходящей экономической организацией был бы “обособленный отраслевой кооператив”. Его цель не отличалась бы от цели предыдущего, за исключением того, что, по обстоятельствам, он ограничивался бы своей специальностью. В общем, его назначение оставалось тем же самым: овладение средствами производства, определение условий и методов новой организации труда и т.д. Простое преобразование наших отраслевых союзов... дало бы нам этот второй тип кооператива...»

Об организации экономики выше местного уровня Оробон Фернандес писал следующее:

“ «Между кооперативами могут быть созданы связи двух видов: 1. “Специфического характера” – через создание отраслевых федераций, в которых группируются определённые городские кооперативы и специализированные секции общинных кооперативов. Их цель заключалась бы в применении общих средств улучшения производства, упорядоченного распределения сырья и т.д. 2. “Общие отношения” всех экономически активных организмов – через учреждение Всеобщей межкооперативной конфедерации, задача которой заключалась бы налаживании межотраслевого взаимодействия предприятий на национальном уровне. Кроме того, она взяла бы на себя представительство страны в её международных отношениях...»8

Взгляд на послереволюционный анархизм Ихинио Нохи Руиса

Ихинио Ноха Руис, анархист, профессор Университета Валенсии и один из авторов либертарного периодического издания «Исследования» (Estudios), опубликовал в 1933 г. многостраничную брошюру, где обсуждалась, среди прочего, будущая организация либертарного общества. Он доказывал:

“ «С триумфом революции каждое поселение примет во владение, для совместного использования, все богатства в пределах его муниципальных границ. Насколько это возможно, следует избегать дробления и развития мелкой собственности, как одного из наиболее серьёзных препятствий для установления коммунистического режима. Но там, где этого полностью избежать невозможно, нужно установить правило, по которому вся продукция, созданная в результате как индивидуальной, так и коллективной обработки, должна распределяться под контролем коммуны, свободного муниципалитета или местной профсоюзной федерации, по усмотрению самого поселения».

Этому предписанию следовали в большинстве сельских коллективов, созданных анархистами в годы Гражданской войны, особенно в Арагоне.

Ноха Руис продолжал:

“ «В крупных населённых центрах производство должно быть передано в руки синдикатов, комитеты которых, при содействии цеховых комитетов и фабричных советов, действуя в согласии с рабочими местных предприятий и общими нуждами, будут обязаны регулировать его. Общее управление, наиболее вероятно, будет осуществляться комитетами местных федераций, состоящих из одного или более представителей каждого синдиката».

Этот автор приложил к своей статье несколько диаграмм, намечавших разные фазы будущей либертарной экономической организации. Эти диаграммы напоминают схемы, начерченные «Индустриальными рабочими мира» в США четвертью века ранее.

Диаграммы Нохи Руиса выстраивали отношения отдельного фабричного комитета к местному отраслевому союзу, с перспективой национального отраслевого союза, наряду со структурой, восходящей от местной коммуны к региональным федерациям коммун и национальной конфедерации коммун. Точно так же, Ноха Руис изобразил национальную организацию сельскохозяйственного производства, начинающуюся с местного комитета землепользования и идущую к сельскохозяйственному синдикату и затем к национальной сельскохозяйственной федерации. Наконец, он объединял фабричные советы в соответствующих местных союзах и федерациях союзов, а также в их национальных отраслевых федерациях и региональных профсоюзных конфедерациях, вплоть до Национальной конфедерации труда, которая создаст национальный совет труда, чтобы координировать экономику в целом. На каждом уровне должны были существовать определённые взаимосвязи для сбора статистических данных и других целей.

Ноха Руис обобщил своё представление о будущей либертарной экономической организации следующим образом: «На всех этих диаграммах видно, что организация неизменно идёт от индивидуального к коллективному. Автономный индивид в автономной секции; автономная секция в автономном синдикате; синдикат в федерациях и конфедерациях, также автономный»⁹.

Видение либертарного общества Исаака Пуэнте

За год до публикации брошюры Нохи Руиса, доктор Исаак Пуэнте издал свою собственную интерпретацию будущего либертарного общества. Пуэнте был врачом и одним из главных испанских анархических интеллектуалов в период, предшествовавший Гражданской войне. Он умер во время конфликта.

Исаак Пуэнте начинает с определения либертарного коммунизма:

“ «...организация общества без государства и частной собственности. Для этого нет никакой необходимости изобретать что-либо или создавать новый организм. Ядра организации, вокруг которых будет построено экономическое будущее, уже имеются в сегодняшнем обществе: это синдикат и свободный муниципалитет»¹⁰. Он добавляет: «Социальная организация не имеет иной цели, кроме как сделать общим всё, что составляет общественное благосостояние, то есть средства и факторы производства и саму продукцию, сделать также общей обязанность каждого участвовать в производстве, по своей способности и пригодности, и осуществлять распределение продуктов среди всех, в соответствии с индивидуальной потребностью»¹¹.

Пуэнте очертил общие принципы организации коммун в городских регионах и в сельской местности. Применительно к первым он сформулировал несколько основных пунктов, включая следующие:

“ «Исходя из того, что каждая профессиональная группа сама способна устраивать свои дела, опека является ненужной, а государство – излишним. Инициатива передаётся профессиональным организациям. Надзор за преподаванием – учителям. Здравоохранение – профессиональным врачам. Средства связи – их работникам. Внутренний режим предприятия определяется техниками и рабочими, заседающими на собраниях, и федерацией синдикатов, контролирующей производство...

Люди объединяются, по общности своих интересов и потребностей, в синдикат и, для удовлетворения местных и коммунальных нужд, в свободный муниципалитет... Все граждане совершенно уравниваются как производители. Должностные лица назначаются для исполнения административных функций, временно, без освобождения от производства и всегда по распоряжениям собраний... В экономической организации иерархия строится с основы. Решения комитета могут быть отменены пленумом, решения пленума – собранием, а решения собрания – народом»¹².

Исаак Пуэнте добавляет:

“ «Синдикат объединяет людей в ассоциацию по роду их занятий... Рабочие фабрики или мастерской, составляя наименьшую ячейку, пользуются самоуправлением в собственных делах. Эти ячейки, соединяясь с другими подобными им, образуют секцию внутри синдиката профессии или отрасли... Синдикаты одной местности объединяются, образуя местную федерацию; федерация имеет комитет, формируемый из представителей синдикатов,

пленум, состоящий из всех комитетов, и общее собрание, которое обладает высшими полномочиями.

Свободный муниципалитет – это собрание рабочих небольшого поселения, села или деревни, которое имеет суверенное право осуществлять заботу о нуждах поселения...13

Именно в сельской местности наиболее легко осуществить либертарный коммунизм, так как это означает всего лишь ввести в практику свободный муниципалитет. Свободный муниципалитет, или коммуна, есть собрание всех жителей села или городского района, наделённое правом решать и устраивать все местные дела, и в первую очередь вопросы производства и распределения. В нём не будет существовать частной собственности, кроме используемой для удовлетворения потребностей каждого, такой как жильё, одежда, мебель, инструменты, участок, закреплённый за каждым домом, и мелкий скот или птица для личного потребления. Всякая вещь, выходящая за пределы необходимого, в любое время может быть конфискована муниципалитетом, после одобрения собрания, поскольку всё, что мы накапливаем без необходимости, отобрано нами у других людей и поэтому не принадлежит нам.

Все жители будут иметь равное право: 1. Производить и совместно обеспечивать коммуны, с учётом различий в способностях... 2. Участвовать в решении административных вопросов на собраниях и 3. Потреблять в соответствии со своими нуждами или нормой»14.

По мысли Пуэнте, распределение потребительских товаров должно быть организовано «производственными синдикатами, использующими кооперативы или строения магазинов и рынков». Каждый член синдиката будет иметь карточку производителя, которая предоставит её обладателю следующие права: «1. Потреблять, в соответствии с нормой или его потребностью, все продукты, распределяемые в данной местности. 2. Иметь в своём пользовании подобающий дом, необходимую мебель, домашнюю птицу или сад, если так решит коллектив. 3. Пользоваться коммунальными службами. 4. Участвовать в принятии решений путём голосования на фабрике или в мастерской, в секции, синдикате и местной федерации».

Местная федерация «будет заботиться об обеспечении местности всем необходимым и развитии специфичной для неё отрасли, с целью либо лучшего распределения, либо удовлетворения национальных потребностей»15.

Что касается организации национальной экономики, то, как утверждал Пуэнте, «нет никакой необходимости в сверхструктуре, стоящей выше местной организации, кроме той, что имеет специальную функцию, которая не может быть осуществлена на местах. Конгрессы – единственные, кто выражает волю нации и проводит её в жизнь, временно уполномоченные на то голосами собраний». Единственными исключениями из этого правила, по мнению Пуэнте, являются национальные профессиональные федерации рабочих связи и транспорта, которые очевидным образом нуждаются в национальной организации»16.

Версия либертарного общества Альфонсо Мартинеса Рисо

Другой вариант послереволюционного общества был представлен в 1933 г. Альфонсо Мартинесом Рисо, заместителем председателя Синдиката работников интеллектуального труда НКТ. Подобно другим авторам, которых мы рассматривали, Мартинес дал эскиз либертарной организации городского и сельского секторов экономики, но он делал особый упор на важности отмены денег и обращался к другим проблемам, не всегда затрагивавшимся теоретиками анархизма.

Начиная своё подробное описание послереволюционного общества, Мартинес доказывает:

“ «Нормой и ориентиром может и должна служить нынешняя работа Национальной конфедерации труда, так как она направляется теми же принципами. С провозглашением либертарного коммунизма и переходом всей экономической деятельности в руки синдикатов её структуры займутся вопросами общей администрации. В этих структурах... должностные лица занимают свои посты в течение шести месяцев, с правом переизбрания. В их числе председатель, секретарь и казначей, избираемые на собрании всеми членами. Каждая автономная секция имеет свой административный совет и выбирает делегатов на пленум комитета. Пленум избирает из своего числа заместителя председателя, заместителя секретаря, бухгалтера и библиотекаря. Все они выполняют свои обязанности бесплатно. Также будет логично, если сохранится существующая профсоюзная юрисдикция и федеративная организация...»¹⁷

Мартинес утверждает, что реорганизация экономики на тех принципах, которые он предлагает, немедленно может быть осуществлена в национальном масштабе: «Как только либертарный коммунизм будет провозглашён, соберётся Национальный конгресс, который определит положения, фундаментальные и вторичные, хотя и базовые, федеративного договора всех местных сообществ...»¹⁸

Мартинес углубляется в детали переустройства городской экономики: «Комитеты цехов и мастерских займут место буржуазных специалистов... фабричный совет – место администрации. Отраслевой союз будет заменять собственников-работодателей. Местные, региональные федерации и национальная конфедерация заменят местные, региональные и национальные капиталистические конгломераты, национальный экономический комитет трудящихся заменит национальный экономический совет. Отраслевые федерации и экономический совет трудящихся будут иметь исключительно технические функции, прочие же организации – как технические, как и социальные».

Мартинес продолжает:

«Все они будут подчинены комитету или совету, избранному общими собраниями рабочих или их представителями на Национальном конгрессе. Этот Национальный комитет или совет, ответственный за исполнение решений, принятых собраниями или конгрессами, может быть отозван в любое время и следовательно будет находиться под постоянным контролем рабочих, не наделённых делегированной властью...

Национальная конфедерация также будет иметь технический совет, состоящий из представителей отраслевых федераций, и это будет Экономический совет трудящихся... Этот совет будет информировать региональные экономические советы, которые будут распределять работу между местными экономическими советами, а те – между соответствующими отраслевыми союзами, соединяя, таким образом, производство с обменом и потреблением. Этот Экономический совет трудящихся будет находиться под контролем Национального комитета НКТ, ответственного перед синдикатами. Экономический совет трудящихся также заведовал бы международной торговлей, с целью поддержания платёжного баланса страны»¹⁹.

Что касается сельской экономики, то, говорит Мартинес, «учитывая основной принцип автономии в нашей системе, сельские поселения смогут решать, в соответствии с указаниями Экономического совета трудящихся и опираясь на решения национальных конгрессов, какую культуру следует выращивать и каким образом её обрабатывать, и затем их продукты будут обмениваться на промышленные товары, имеющие равную ценность в часах работы. В этих условиях, поскольку сельские труженики будут получать полный продукт своего труда или его эквивалент, при новом режиме уровень благосостояния у всех станет выше...»²⁰

Мартинес настаивал на вытеснении традиционных денег и замене их другими средствами распределения, обнаруживая некоторое сходство с идеями Прудона. «Новые деньги будут оцениваться и обозначаться часами работы. Они будут состоять из чеков, выпускаемых профсоюзами и эквивалентных рабочим часам каждого рабочего. Эти чеки будут выпускаться еженедельно и будут действительны лишь в течение следующей недели. Чтобы каждый мог удовлетворять свои потребности, рабочие, имеющие детей или жену, которая не может работать, поставив в известность свой профсоюз, будут получать вместе со своими недельными чеками дополнительные, для обеспечения членов своих семей. Инвалиды будут получать 48 часов работы в неделю от служб социальной помощи».

Цены на товары, с тем чтобы упорядочить рынок, будут определяться каждым поселением в количестве часов работы, исходя из стоимости чеков, выпускаемых для местных жителей. Эти чеки будут действительны только в местном сообществе²¹.

По поводу торговли между разными сообществами Мартинес пишет: «Для... обмена между различными автономными сообществами продукты будут оцениваться в часах работы, оплата будет производиться талонами, которые будут обменивать, чтобы уравнивать продажи и покупки. Таким образом, мы будем иметь две цены: одна, соответствующая точному количеству часов труда, затраченных на производство, будет использоваться при обмене между различными автономными муниципалитетами; другая, та же самая, но помноженная на переменный фактор, будет устанавливаться в каждой местности, чтобы урегулировать

продажу всех товаров жителям»²².

Мартинес также обращается к двум проблемам неэкономического характера: преступлениям и вооружённым силам. Относительно преступления он пишет:

“ «С исчезновением твоего и моего, с исчезновением власти, принадлежащей кому бы то ни было, автоматически исчезнут практически все виды преступлений. Принцип, по которому никто не может пользоваться властью, ведёт к отмене судейских должностей. Это не означает, что правосудие исчезнет: оно будет осуществляться посредством плебисцита в коллективе... Мы рассматриваем аффективные преступления как расстройство и считаем, что преступник нуждается только в лечении, как больной человек. В нашем представлении, при либертарном коммунизме будет применяться лишь одно наказание за единственное преступление, которое ещё может сохраняться при подобном режиме. Это преступление – неподчинение соглашениям коллектива или принципам либертарного коммунизма. Единственное наказание, о котором помышляет автор, – высылка в буржуазные страны, покуда они продолжают существовать, и, когда ни одной из них не останется, изгнание из коллектива, которое вынудит преступника жить одному за счёт индивидуальной работы»²³.

Перед угрозой нападения капиталистических государств, с которой, как он ожидает, столкнётся революционная либертарная Испания, Мартинес признаёт, что вооружённая защита будет необходима, несмотря на традиционный анархический антимилитаризм. Однако он предлагает такое решение проблемы, которое, несомненно, было широко распространено в рядах анархистов и должно было вызвать серьёзные затруднения для либертариев с началом Гражданской войны. Он пишет:

“ «Много раз я слышал возражение, что либертарный коммунизм неспособен вести войну, поскольку она требует, чтобы были те, кто командует, и те, кто повинуются, что противоречит его принципам. Это возражение происходит из смешения двух разных вещей – осуществления власти и технического руководства. Также и в мастерской рабочий должен будет работать так, как указывает ему техник, а не как ему нравится, и техник не будет иметь власти или отдавать команды; он будет товарищем по работе и его работа будет состоять именно в изучении того, как должен работать рабочий, чтобы получить лучшую продукцию...

Равным образом, в подразделениях вооружённого пролетариата власть всегда будет результатом решений коллектива, который вложил в руки рабочих оружие, чтобы они защищали его. Задачей этих естественных единиц будет выполнение и наблюдение за выполнением решений коллектива, и в них, так же как и везде, будут существовать рабочий комитет и технические специалисты, которыми будут офицеры. Последние

будут решать, как в каждом случае должны действовать солдаты, чтобы восторжествовать над врагом. Комитет будет наблюдать за их действиями. Солдат, который поступает вопреки указаниям офицера, будет виноват так же, как рабочий, который отказывается выполнять распоряжения инженера»²⁴.

Либертарное общество по Гастону Левалю

Другим анархическим теоретиком, разработавшим значимый проект послереволюционного либертарного общества, был Гастон Леваль. Хотя он по своему происхождению был французом, Гастон Леваль (настоящее имя Пьер Филлер) являлся членом испанской Национальной конфедерации труда по крайней мере с Первой мировой войны. Он входил в состав делегации НКТ, отправленной в Россию в начале 1920-х и был в числе тех, кто резко возражал против вступления НКТ в Красный интернационал профсоюзов. Во время Гражданской войны Леваль был одним из важнейших пропагандистов достижений анархистов после 19 июля 1936 г. Он провёл несколько лет в Аргентине и вернулся в Испанию спустя пару месяцев после начала Гражданской войны²⁵.

Левалевский проект будущего либертарного общества, кажется, был опубликован в Барселоне в 1936 г., незадолго до начала войны. Второе, пересмотренное издание вышло в 1937 г.

Леваль начинает с критики некоторых идей в анархической мысли, которые он считал преувеличенными или ошибочными. Одним из преувеличений для него была автономия:

“ «Много раз повторяли и писали... упомянутую формулу: “индивид пользуется свободой в пределах группы, группа пользуется свободой в пределах федерации”. Мы, слыша её, всегда делаем мысленную оговорку... Если мы действительно свободны, если мы можем не выполнять принятую резолюцию, если при каждом обсуждаемом вопросе возникает бунтующее меньшинство – что тогда может быть выполнено на практике? Как мы можем сосуществовать друг с другом? Малатеста уже настаивал на необходимости выполнения решений, принятых большинством, и эта необходимость признаётся теми, кто понимает, что существование коллектива и индивида невозможно без компромиссов...

Вступая в группу, я не считаю себя свободным. Я подчиняюсь общей норме, ответственности, задачам, от которых я не могу уклониться. Я не автономен. Я отказываюсь от части своей автономии, чтобы способствовать благополучию всех, что может обернуться либо в мою пользу, либо нет. Если только кто-то не хочет играть словами, тонкой философией разного рода диалектики, отделённой от истины, то, когда революционер объединяется с

другими, он будет не пользоваться свободой, а выполнять общественный долг, забывая о себе»²⁶.

Гастон Леваль также критиковал доводы в пользу национальной автаркии, выдвинутые Кропоткиным в одной из его книг: «Идеал не в том, чтобы каждый регион был достаточен сам по себе, поскольку есть стремление, более высокое и более благородное, к безграничному и непрерывному сотрудничеству по всей земле...»²⁷

Гастон Леваль также выступал против той многоукладности либертарной экономики, которую защищал Рикардо Мелья.

“ «Как можно помышлять об экономических отношениях между коммунистическими группами производителей и коллективистскими? Одни предлагают деньги в обмен на продукты. Другие хотят продукты за продукты. Произвольность нарастает. Как можно достичь взаимопонимания? Сотни предприятий будут применять концепции, отвергаемые сотнями других. Экономическая жизнь быстро разладится». Он говорит, что только местная самодостаточность, предлагаемая Кропоткиным, сделала бы такую систему жизнеспособной, и добавляет: «Это совершенно невозможно, и как только мы примем во внимание многочисленность товаров, необходимых для цивилизованной жизни, и производительные силы каждого региона, провинции или уголка любой части света, соответствие обмена общим принципам взаимодействия становится очевидно; чтобы осуществлять этот обмен, нужно установить такой же режим отношений»²⁸.

Леваль намечает иерархию организаций, которые будут вести хозяйственные дела при либертарном коммунизме: «1. Рабочие, взятые индивидуально; 2. Профессиональные секции, образованные этими рабочими; 3. Отраслевые союзы, состоящие из связанных профсекций; 4. Отраслевые федерации, составленные из отраслевых союзов; 5. Промышленная конфедерация, составленная из отраслевых федераций».

Он описывает порядок функционирования разных уровней организации:

“ «1. Каждая профсекция избирает технического делегата, и профделегаты составляют административный комитет; такое представительство, в целом, кажется нам более необходимым, нежели фабричный или цеховой комитет – последний является более революционным, чем техническим, тогда так мы должны рассматривать организацию с точки зрения производства, то есть по преимуществу применять технический критерий. 2. Конгресс отраслевой федерации избирает комитет, состоящий из делегатов определённых промышленных зон, в соответствии с их значением и особенностями; это позволит центральным комитетам поддерживать более прямой контакт и лучше знать общее положение дел в стране. 3. Конгресс конфедерации, в свою очередь, будет избирать Центральную федеральную комиссию и, разумеется, различные региональные комиссии, составленные из делегатов

различных отраслевых федераций в пропорциях, продиктованных обстоятельствами (численность каждой федерации, интенсивность и характер работы, которую она выполняет, и т.д.)»²⁹.

По поводу организации сельского хозяйства Леваль пишет следующее:

“ «Крестьяне должны организоваться в коммуны – а не в союзы – согласно своим традициям... Эта форма отвечала бы поставленной цели. Целью же хозяйственной деятельности крестьян является заготовка продуктов земледелия, птицы, мяса и других животных продуктов, кожи, шерсти и т.п....

Работа крестьянина должна строиться в соответствии с общей потребностью, а не его прихотями или собственным пониманием вещей... Это – опасная норма, и будет ошибкой утверждать, как слишком часто делается, что крестьяне предоставят для обмена излишек произведённого, оставив себе необходимое. Ошибкой будет думать, что какое бы то ни было производство может быть налажено таким путём...

Как и в промышленности, административный механизм будет федеративным, решения будут приниматься на конгрессах, а работа будет планироваться постоянными комиссиями на основе пожеланий, высказанных рядовыми тружениками на конгрессах всех уровней, от специализированных региональных федераций до Всеобщего конгресса земледелия и животноводства...»³⁰

Распределение как промышленной, так и сельскохозяйственной продукции, согласно Левалю, будет осуществляться через кооперативы:

“ «Будет происходить движение продуктов, из производящих зон в потребляющие. Кооперативы будут отвечать за поддержание этого движения...

В их центральные хранилища в городах будет поступать избыточный продукт местного промышленного производства. Эти кооперативы не будут распределять наобум или руководствуясь случайными требованиями каждого поселения. Каждый из них будет специализироваться на товарах одного или нескольких типов, к каждому будет прикреплён свой собственный округ для снабжения – определённое число небольших городов или поселений. Жители округа будут адресоваться туда согласно общепринятому порядку. Таким образом, будет сформирована широкая сеть, деятельность которой охватит все пункты и всё потребление на территории...

Эти кооперативы будут направлять в центры производственных организаций разнообразные запросы, которые постоянно будут отражать колебания спроса. Так они станут источниками информации для федераций и для Промышленной и Земледельческо-животноводческой конфедераций, оказывая содействие в управлении производственной деятельностью»³¹.

Леваль предлагает сделать профсоюзное членство основой распределения товаров среди потребителей:

“ «Лучшее решение, которое приходит на ум, заключается в создании сети распределительных организаций, находящихся в связи с производственными организациями... Параллельно мог бы существовать общий кооператив, ассоциированный с тем же самым профсоюзом, который будет разделён на секции, поддерживающие связь с секциями в районах. Рабочие или члены их семей пойдут за потребительскими товарами в секционный кооператив своего профсоюза. Предъявления профсоюзной карточки будет достаточно, чтобы признать за производителем право на потребление»³².

Идеи Диего Абада де Сантильяна

Наконец, Диего Абад де Сантильян, который ранее противился попыткам обрисовать будущее либертарно-коммунистическое общество, опубликовал в 1936 г. книгу «Экономическая организация революции» («El organismo económico de la revolución»), посвящённую именно этому. Гомес Касас замечает по поводу этой работы:

“ «Автор осуждает экономический сепаратизм и поддерживает идею федеральной организации экономики, начиная с фабричных советов или местных профессиональных или отраслевых союзов, далее к местным и региональным советам, располагающим техническими и статистическими данными, и заканчивая национальным или федеральным экономическим советом. Местный совет, координатор местных организаций, заменил бы муниципалитеты и выборные органы... Согласно Сантильяну, федеральный экономический совет займёт место государства. Не имея никакой политической власти, он будет лишь экономическим и административным регулятором... Так как решения будут основываться на цифрах и статистике, принуждение со стороны какой бы то ни было организации станет непродуктивным и невозможным. Такой координирующий орган будет гарантировать свободное общество производителей и потребителей, согласовывать планы, разработанные всеми организациями, и уважать относительную автономию всех федерированных субъектов»³³.

Характеристика Сарагосской резолюции НКТ

Все проекты, которые мы обсуждали до сих пор, представляли мнения отдельных анархических лидеров и теоретиков. Однако в мае 1936 г. Национальная конфедерация труда официально утвердила принципы того общества, которое она хотела создать после долгожданной революции.

Сесар Лоренсо, сын национального секретаря НКТ Орасио Прието, так отзывался об этом документе: «После шестидесяти семи лет испытаний, после многочисленных уроков пережитого, нам представили идиллическую программу... в которой был дан простор ребячеству и утопии, при полном игнорировании особенностей Испании, международной ситуации, исторического момента и средств достижения новой земли обетованной»³⁴.

Сарагосская резолюция НКТ, по-видимому, в большей степени отражает взгляды на анархизм Кропоткина и даже Пьера Прудона, чем Михаила Бакунина. Видно, что в документе относительно мало места отводится национальным отраслевым союзам как центру преобразования национальной экономики и общества. Вместо этого акцент был сделан на коммунальной организации в том роде, который был предложен Петром Кропоткиным.

Хотя Сарагосская резолюция признавала: «...Было бы абсурдно пытаться представить себе структуру общества будущего с математической точностью: между теорией и практикой часто пролегает настоящая пропасть», – она, по существу, давала достаточно подробный эскиз того, как будет организовано будущее общество.

Тем не менее, прежде чем приступить к этому, резолюция отмечала: «В основу революции не могут быть положены ни взаимопомощь, ни солидарность, ни архаическое милосердие. Эти три формулы... должны быть обновлены и уточнены в виде новых принципов социальной жизни. Наиболее ясное истолкование эти принципы приобретают в либертарном коммунизме: каждому по его потребностям, без каких-либо ограничений, за исключением тех, которые вызваны условиями новосоздаваемой экономики»^{34а}.

Положения Сарагосской резолюции

Далее Сарагосская резолюция НКТ начинает описание нового общества:

“ «С завершением насильственного аспекта революции будут упразднены частная собственность, государство, принцип авторитета и, следовательно, классы, которые делят людей на эксплуататоров и эксплуатируемых, угнетённых и угнетателей. Богатства социализируются, организации свободных производителей возьмут в свои руки непосредственное

управление производством и потреблением. В каждой местности установится Вольная Коммуна, вступит в действие новый социальный механизм. Объединённые в профсоюзы производители в каждой отрасли и профессии и на своих рабочих местах свободно определяют форму его организации».

Резолюция устанавливает общие принципы реорганизации экономики:

“ «Экономический план общей организации производства во всех его видах будет основываться на строгом соблюдении принципов социальной экономики, непосредственно управляемой производителями с помощью их производственных органов. Эти органы будут определяться на общих собраниях различных организаций и постоянно контролироваться ими».

В городской местности, определяет резолюция,

“ «связующим органом между Коммуной и рабочим местом будет Фабрично-Заводской Совет, связанный договором с другими центрами труда. Связующим органом между профсоюзами (ассоциациями производителей) будут Советы Статистики и Производства. Объединяясь в федерации, они образуют сеть постоянных тесных связей между всеми производителями Иберийской Конфедерации».

В сельских районах, согласно резолюции,

“ «основой будет производитель в Коммуне, которая станет пользователем всех природных богатств данной политико-географической местности. Органом связи будет Сельскохозяйственный Совет, образуемый техническими и рабочими кадрами, объединёнными в ассоциации сельскохозяйственных производителей. Этим Советам надлежит направлять интенсификацию производства, определять землю, наиболее пригодную для этого с точки зрения её химического состава. Сельскохозяйственные советы образуют ту же сеть, что и Фабрично-Заводские Советы и Советы по Статистике и Производству, составляя федерацию, в которой Коммуны будут представлены как политические и географические единицы».

Резолюция формулировала не только то, каким образом будет организовано производство, но и то, как будет регулироваться потребление. Она предлагает «ввести удостоверение производителя. Его будет выдавать Фабрично-Заводской Совет, давая тем самым право получать всё необходимое при выполнении всех обязательств. Удостоверение производителя послужит своего рода знаком обмена на следующих условиях. Во-первых, оно не подлежит передаче другому лицу. Во-вторых, в нём отмечается количество отработанных рабочих дней, которое максимум в течение года действительно для получения продуктов. Для неработающих жителей Коммунальные Советы выдадут

потребительские карточки».

Представляется, что это положение имеет больше сходства со схемой трудовых чеков Пьера Прудона, чем с «каждому по потребностям», пропагандировавшимся Петром Кропоткиным. Это, возможно, вызвало некоторое замешательство, когда два месяца спустя члены НКТ приступили к созданию крестьянских коллективов и организации захваченных ими промышленных предприятий. Первые склонялись к формуле Кропоткина, тогда как фабричные рабочие зачастую больше следовали предписаниям Прудона.

Обращаясь к проблемам национальной экономики, резолюция намечает: «Ассоциации промышленных и сельских производителей соединятся в федерации на уровне страны... если те, кто занят в одном и том же трудовом процессе, посчитают такое разделение необходимым для плодотворного развития экономики. Точно так же объединятся в федерации для облегчения логических и необходимых связей между всеми Коммунами полуострова те службы, характер которых этого потребует».

Резолюция также сформулировала основы политического переустройства послереволюционной Испании. «Политическим выражением нашей революции служит триада: ЧЕЛОВЕК, КОММУНА, ФЕДЕРАЦИЯ... Базой этой администрации будет Коммуна. Коммуны будут автономны, для решения общих задач они станут объединяться в региональные и общестрановые федерации. Право на автономию не исключает долга выполнять договорённости, касающиеся всего общества...»

По поводу политической формы нового общества резолюция заявляет:

“ «Коммуны будут объединяться в окружные и региональные федерации, добровольно устанавливая свои географические пределы и при необходимости объединяя в единую Коммуну отдельные селения, посёлки и хутора. Все Коммуны в совокупности образуют Иберийскую Конфедерацию Автономных Вольных Коммун...

Для организации распределения и оптимального снабжения Коммуны могут создавать соответствующие специальные органы, например, Конфедеральный Совет по Производству и Распределению с участием прямых делегатов от Общестрановых Производственных Федераций и ежегодного Конгресса Коммун».

Резолюция выражает убеждение, что «Коммуна займётся всеми вопросами, интересующими людей», а именно «всеми видами деятельности по организации, упорядочиванию и украшению быта населения, обеспечением своих жителей жильём, продуктами и изделиями, предоставленными ей профсоюзами или ассоциациями производителей. Она займётся также гигиеной, коммунальной статистикой, удовлетворением общественных нужд, образованием, санитарным делом, содержанием и совершенствованием местных средств сообщения».

Кроме того, резолюция настаивает на децентрализации власти и стремится предотвратить бюрократизацию общественных органов самоуправления:

“ «Порядок избрания Коммунальных Советов будет определяться в соответствии с системой, учитывающей различия в плотности населения. При этом следует иметь в виду постепенную политическую децентрализацию крупных городов, создавая в них федерации Коммун.

Все эти органы не будут иметь какой-либо исполнительный или бюрократический характер. Кроме тех лиц, которые будут иметь технические функции или обрабатывать статистические данные, их члены продолжат выполнять свои производственные обязанности, собираясь на заседания по окончании рабочего дня, чтобы обсудить те детали проблемы, которые нет необходимости выносить на общие собрания.

Общие собрания будут проводиться так часто, как этого потребуют интересы Коммуны, по запросу членов Коммунального Совета или по желанию жителей...

Жители Коммуны будут обсуждать между собой внутренние проблемы Коммуны: производства, распределения, обучения, гигиены, – всё, что необходимо для её морального и экономического развития. Вопросы, касающиеся всего района или провинции, будут обсуждаться Федерациями; на их конференциях или общих собраниях будут представлены делегаты от всех Коммун, которые представят точки зрения, уже одобренные этими Коммунами».

Без сомнения, этот план организации послереволюционной политической системы был, до некоторой степени, реализован после начала Гражданской войны в сельских районах, где влияние анархистов было преобладающим, в первую очередь в Арагоне. Однако не было никаких попыток – или даже возможности – установить эту модель в городских зонах страны.

Аналогичным образом решаются проблемы более широкого географического масштаба. Резолюция утверждает, что «в вопросах регионального характера Региональные Федерации будут придерживаться практики соглашений, выражающих суверенную волю всех жителей региона. Всё начинается с отдельного человека, продолжается в Коммуне, Федерации и, наконец, Конфедерации. Таким же образом будут обсуждаться все проблемы страны в целом, поскольку наши структуры полностью переходят друг в друга. Организация в масштабах страны будет регулировать международные взаимоотношения...»

Далее Сарагосская резолюция обращается к социальным преобразованиям. Она предлагает

«ликвидацию существующей системы карающей юстиции и, следовательно, институтов отбывания наказания (тюрем, каторги и т.д.).

Данные предложения исходят из того, что основные причины совершаемых преступлений при существующем положении вещей имеют социальную обусловленность и, следовательно, если исчезнут причины, порождающие преступления, то в большинстве случаев перестанут существовать и сами преступления...

“Исправительные меры” либертарного коммунизма основаны на принципах медицины и педагогики, они носят исключительно превентивный характер, что соответствует требованиям современной науки. Если же какой-либо индивид – жертва патологических феноменов – посягает на гармонию, которая должна существовать между людьми, терапевтическая педагогика призвана восстановить его душевное равновесие и стимулировать в нем этическое чувство социальной ответственности, не сумевшее развиться из-за нездорового наследства».

Резолюция НКТ также кратко рассматривает проблемы семьи и сексуальные отношения: «Революция не должна насильственно воздействовать на семью, кроме случаев с неблагополучными семьями, когда следует осуществлять право на развод и помогать в этом... Либертарный коммунизм провозглашает свободную любовь, без каких-либо ограничений, кроме желаний мужчины и женщины; детям гарантируется общественный уход и защита от человеческих ошибок благодаря применению принципов биологии и оздоровления наследственности».

Антиклерикальные традиции испанского анархизма были подтверждены в Сарагосском документе: «Религия как чисто субъективное человеческое проявление будет признано в той мере, в какой она связана с индивидуальной свободой совести. Но она ни в коем случае не может быть признана как форма публичной кичливости, моральной или интеллектуальной демонстрации. Люди будут свободны исповедовать любые приемлемые моральные идеи, все ритуалы исчезнут»³⁵.

Особое внимание обращается на потребность масс в просвещении:

“ «Культура будет возвращена тем, кто был её лишён... Педагогическая работа, которую следует осуществить непосредственно после социальной революции... будет состоять в распространении среди неграмотного населения элементарной культуры, например, в обучении чтению, письму, счёту, физкультуре, гигиене, истории эволюции и революции, теории несуществования бога и т.д. Эту работу может взять на себя множество образованных молодых людей, которые выполнят её в течение одного года или двух лет в форме добровольной службы в пользу культуры. Национальная Федерация Образования будет должным образом контролировать и ориентировать их. Эта Федерация сразу после провозглашения либертарного коммунизма возьмёт в свои руки все образовательные центры...

Первоочередной функцией педагогики мы считаем помощь людям в формировании у них собственных суждений – мы имеем в виду, конечно, как мужчин, так и женщин. Для этого необходимо, чтобы учитель поощрял все

склонности ребёнка с целью дать ему возможность полностью развить все свои способности».

Наконец, Сарагосская резолюция останавливается на вопросе, который должен был стать одной из самых тяжёлых проблем, как внутри НКТ, так и в её отношениях с другими силами республиканской Испании, во время Гражданской войны, – на роли и характере вооружённых сил. Она провозглашает:

“ «Постоянная армия представляет собой огромную опасность для революции...

Вооружённый народ послужит самой лучшей гарантией против любой попытки реставрации разрушенного режима со стороны внутренних или внешних сил. Тысячи рабочих прошли через казармы и знакомы с современной военной техникой.

Каждая Коммуна должна иметь своё оружие и оборонительные средства, до тех пор пока после окончательной консолидации революции они не будут уничтожены и превращены в орудия труда...

Когда настанет соответствующий момент, народ быстро мобилизуется для отпора врагу; производители вернуться к своему труду, как только их оборонительная миссия будет выполнена. Эта всеобщая мобилизация охватит всех лиц обоих полов, способных сражаться и готовых к выполнению разнообразных боевых задач»³⁶.

Несоответствия Сарагосского документа

Несмотря на принятие этого пространного документа, указывающего, что они надеялись осуществить после революции, делегаты Сарагосского конгресса НКТ «не сделали никакого анализа политической ситуации...» В результате, как утверждает Сесар Лоренсо, анархисты «19 июля были вынуждены выдавать полностью бессвязные импровизации»³⁷.

Легко заметить, что этот документ отводил национальным отраслевым союзам (федерациям) НКТ в лучшем случае вспомогательную роль в будущем обществе. Акцент в программе НКТ делался на индивидууме, коммуне и региональной федерации, с мимолётными упоминаниями об иерархии союзов НКТ и их роли в преобразовании национальной экономики.

Возможно, это «упущение» объясняется тем фактом, что на Сарагосском конгрессе НКТ, где, помимо прочего, произошло воссоединение радикальной и умеренной фракций организации, преобладали радикалы, всегда относившиеся к национальным отраслевым

союзам скептически. Это размежевание среди испанских анархических сил сохранялось долгое время перед войной, во время неё и даже после.

Фидель Миро описывает этот длительный раскол в среде испанских анархистов:

“ «Разногласия оказались более острыми в тактической области, чем в теоретической... “Ультрас”, или максималисты, выступали сторонниками пропаганды действием – превратно понятого прямого действия – как постоянной высшей школы революции, что означало непрерывные насильственные выступления и немедленную революцию; в то время как POSSИБИЛИСТЫ всегда были более осторожными, особенно в применении насилия, хотя они не отказывались от него полностью, когда считали, что насилие является неизбежным ответом на разнузданные репрессии буржуазии или публичной власти»³⁸.

Если максималисты почти всегда смешивали тактику с принципами, рассматривая их как неразделимые части единого целого, то POSSИБИЛИСТЫ рассуждали, что тактика всегда должна применяться по обстоятельствам, в зависимости от нужд и потребностей времени и места, но никогда – в противоречии с принципами»³⁹.

Один из главных лидеров тех, кого Фидель Миро называет «POSSИБИЛИСТАМИ», Хуан Пейро, которому предстояло работать в правительстве Ларго Кабальеро в 1936–1937 гг., несколькими годами ранее выступал против принятия НКТ идеологического документа наподобие того, что был одобрен Сарагосским конгрессом: «...Будучи по своему характеру экономической классовой организацией с разнородным составом, НКТ не может и не должна иметь постоянной идеологической цели или непроницаемого набора идей...»⁴⁰

Пейро также сделал наблюдение, которое кажется имеющим прямое отношение к Сарагосскому документу:

“ «Реалии, которые преподносят народам экономико-социальные проблемы, гораздо сложнее тех псевдореалий, которые видятся ультрареволюционным фракциям, преобладавшим в последнее время. Жизнь людей уже немыслима в этой примитивной форме, сельской, простой, весьма подходящей крестьянам и пастухам, но несовместимой с жизнью в больших городах, где жизнь, соприкасаясь с необычайным прогрессом науки и новыми приобретениями цивилизации, получает необходимую организацию, дисциплинируется, проявляет заботу о нуждах живущих...»⁴¹

“ «Нет сомнения, что в обществе, освобождённом от опеки капитализма и государства, организация производства в переходный период – и мы полагаем, что переход должен растянуться на длительное время, – будет находиться в руках профсоюзов, и мы признаём, что в их составе есть

достаточно элементов, способных к этому, и мы рассчитываем, что вышестоящие организации – которые мы надеемся упразднить так скоро, как только возможно, – точно так же окажутся способны организовать связи между различными производствами и т.п., поскольку это затрагивает обмен сырьём и общественные потребности...»⁴²

Нет никаких свидетельств о том, выдвигали ли Пейро и другие связанные с ним лидеры НКТ какие-либо возражения против принятия резолюции Сарагосского конгресса. Однако Эдуардо Комин Коломер говорит, что, наряду с двумя максималистами, Хуаном Гарсией Оливером и Федерикой Монсень, одним из авторов резолюции был Хуан Лопес, POSSИБИЛИСТ и профсоюзный организатор из Валенсии⁴³.

Через два с небольшим месяца после Сарагосского конгресса анархическое преобразование испанского общества из теоретического предложения превратилось в практическую возможность, по крайней мере в некоторых частях республиканской Испании. В Каталонии, где в дни, последовавшие за подавлением выступления военных, власть почти полностью перешла в руки анархистов, НКТ провела региональный пленум, где обсуждалось, стоит ли идти вперёд и установить либертарный коммунизм. Пленум подавляющим большинством высказался против этого, перед лицом необходимости сотрудничать с широким спектром других групп в вооружённой борьбе против сил Франко.

Только в той части Арагонского региона, которая в основном была отвоёвана у мятежной армии анархическими ополченцами из Каталонии, в первый год Гражданской войны действительно было установлено нечто похожее на либертарный коммунизм. Анархические сельские коммуны там были объединены под началом Совета Арагона, который более или менее соответствовал установкам Сарагосской резолюции.

Версия #2

Зверобой создал 7 мая 2025 20:58:28

Зверобой обновил 7 мая 2025 21:09:38